ПРОБЛЕМЫ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОЛОГИИ

Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии.
2020. № 2. С. 53—68.

DOI 10.24411/2542-0275-2020-0205

Планиграфия и стратиграфия неолитических поселений лесостепного Притоболья: возможности метода «связей»

Е. С. Яковлева
Отделения археологии и этнографии ИИА УрО РАН, Южно-Уральский филиал, Челябинск, Россия

На примере двух поселений лесостепного Притоболья рассматривается специфика стратиграфии поселений позднего каменного века, связанная с многократными заселениями одной площадки на протяжении неолитического и энеолитического периода. Для решения проблем, связанных с объективной ограниченностью стандартных методов полевой фиксации археологических объектов и культурных слоев, планиграфический анализ был осуществлен с помощью метода «связей». Удалось понять процесс формирования стратиграфической колонки жилищ в результате их многократных перестроек и установить границы поселков в рамках конкретных периодов функционирования поселения. Основываясь на корреляции распространения фрагментов сосудов и полученных абсолютных дат для них, были выделены единовременные керамические комплексы, в составе которых оказались типы, историографически относимые к разным культурам и этапам неолита. Данный подход рассмотреть внутреннюю хронологию древних поселений в микроисторическом контексте.

Ключевые слова: неолит, лесостепное Притоболье, стратиграфия, планиграфия, метод «связей», поселение, керамика.

Введение. Вне зависимости от изучаемой эпохи, стратиграфический метод в археологических исследованиях является базовым в построении колонки относительной хронологии поселений, и тем более важна его роль, чем дольше история существования памятника на протяжении эпох. Однако метод имеет объективные ограничения и затруднения, связанные как с естественными условиями: скорость почвообразования, цветность грунтов, деятельность норных животных и корневой системы, так и с антропогенным воздействием — в том числе в древности. Наслоения разновременных культурных отложений нередко сопровождаются частичным повреждением или полным уничтожением слоев предшествующего времени: «люди старались строить свои поселки на старых уже давно обжитых площадках, а новые жилища впускать в старые котлованы. Каждый раз убираются грунты до уровня пола предшествующего жилища» [Малютина, Зданович, 2012, с. 50—51]. Большую помощь в таких ситуациях оказывают планиграфические наблюдения за распределением артефактов — как в заполнениях объектов, так и на межжилищном пространстве, ложась в основу понимания культурно-хронологической канвы памятников в частности и исторических регионов в целом [Зданович, 1985; Потемкина, 1988]; в отечественных исследованиях наиболее ранних археологических эпох оформилась целая школа планиграфического анализа культурных слоев археологических памятников [Желтова, 2015, с. 7].

Частный случай пространственного анализа культурных напластований и артефактов — метод «связей». Данный метод был предложен А. Леруа-Гураном еще в 1966 г. и получил известность среди отечественных исследователей в 1976 г. благодаря рецензиям О. Н. Бадера и В. Я. Сергина в «Советской Археологии» [Совесткая археология, № 3, с. 333—338]. Наиболее широкое использование метод получил в работах по палеолиту и мезолиту [Сериков, 1983; Сергин, 1984; Кравцов, Жилин, 1995; Леонова, 2014], но также был апробирован и на поселениях эпохи бронзы [Рыжкова, 1993]. Метод дал плодотворные результаты для решения проблем широкого спектра: установления одно- и разновременности объектов и участков поселения, его функционально-производственного обустройства, реконструкции элементов социального устройства коллектива, оставившего памятник.

Мной метод «связей» был апробирован на материалах четырех поселений лесостепного Притоболья, в том числе на двух, где раскопки велись методом горизонтальных зачисток с индивидуальной фиксацией, дав существенный результат в понимании, во-первых, процессов переиспользования жилищных впадин в нео-энеолитическое

время, во-вторых, специфики социокультурных взаимодействий в позднем каменном веке.

В качестве примера здесь будут приведены результаты исследований поселений Кочегарово 1 (рис. 1) и Ташково 1 (рис. 6). Оба памятника находятся в Курганской области, на берегах старичных русел Миасса и Исети, и являются многослойными. Впрочем, напластование разновременных объектов в обоих случаях является проблемой только для нео-энеолитического времени, что влечет за собой трудности в разделении как артефактов — каменного инвентаря, например, так и установлении разновременных границ построек.

Пос. Кочегарово 1 раскопано широкой площадью порядка 2 тыс. м², на которых были исследованы 7 жилищ и хозяйственных построек эпохи камня (рис. 1б), а также прилегающее межжилищное пространство, что делает памятник перспективным для анализа пространственного распределения артефактов и культурных напластований [Зданович, 1985, с. 6].

Для одного из объектов — жилища 1 — был специально выкопан котлован, остальные сооружения были обустроены в естественных суффозионных впадинах [Бикмулина и др., 2017, с. 38]. Два объекта в центре поселения — сооружения 5 и 6 — имели производственную функцию: с ними связаны скопления каменных артефактов всех стадий обработки — от расколотых кусков породы и отщепов до нуклеусов, пластин и готовых орудий; еще четыре сооружения были жилищами. Все объекты переиспользовались при каждом последующем заселении площадки памятника, что отрицательно сказалось на целостности как стратиграфических, так и планиграфических очертаний.

Общая стратиграфия поселения характеризуется пониженной цветностью слоев, которые представлены чередованием гумусированной супеси под дерном, коричнево-серой супеси и белесого пестроцветного песка; также в северной части раскопа были зафиксированы прослойка желто-коричневой глины, перекрывающая объекты с боборыкинской керамикой в жилище 1, и слой черной глины в северо-западной части раскопа. Последний, судя по мощности заполнения и глубинам залегания разновременных артефактов в сооружении 5, был связан с длительным затоплением площадки в энеолитическое время, что привело к разрушению стратиграфии на данном участке и смешению и заиливание слоев. Факт длительного перерыва функционирования памятника из-за затопления площадки в переходный период от неолита к энеолиту был ранее отмечен [Бикмулина и др., 2017, с. 38].

Южная часть поселения, связанная с сооружениями 1—4, по-видимому, испытывала значительно меньшее воздействие воды, и перекрывание хронологически значимых слоев стерильными глинистыми прослойками здесь отсутствует. Наиболее полно сложную картину многократных заселений представляет стратиграфия сооружения 1 (рис. 2а).

Самыми поздними являются остатки легкой средневековой постройки, которая, в силу большого хронологического разрыва и особенной конструкции, лишь незначительно потревожила слои каменного века. Контуры энеолитического жилища (рис. 2а) наиболее четко просматривались на уровне материка, имели подквадратную форму с выраженным выходом в южной части. При исследовании данного сооружения были зафиксированы внутренняя планиграфия и элементы интерьера: предположительно, в северной части были нары, образованные остатками неолитического слоя и отсыпкой грунта, забранного из центра котлована; в центре располагался очаг, к которому примыкал небольшой ровик. На полу фиксировались многочисленные следы столбовых ям. В юго-западном углу под слоем, маркирующим пол энеолитического жилища, был зафиксирован слабовыраженный прокал, из чего сделано предположение о наличии более ранней постройки. Ее очертания прослеживались слабо, в виде пятен в материке, формирующих подквадратный контур. Более отчетливо зафиксировать слой неолитического жилища удалось лишь в разрезе: остатки читались в западной и восточной части профиля, сохранившись фрагментарно под отсыпной частью энеолитического жилища. Судя по разрезу, неолитический котлован был несколько меньше энеолитического, и основная часть была полностью уничтожена последним (рис. 2б). Таким образом, использование планиграфического и стратиграфического методов позволило в данном случае только констатировать факт существования неолитического постройки, но вне конкретного исторического контекста. Для решения этой проблемы был применен метод связей для разных культурно-хронологических групп керамики.

Как видно по планиграфии, первый этап существования данного сооружения был связан с маханджарской керамикой (рис. 3а), которая фиксировалась на полу и была буквально втоптана в материк; другой объект, связанный с этой группой — яма 1, единичные фрагменты встречены в сооружении 3. Также в этом объекте были зафиксированы несколько сосудов из прочерченно-накольчатой группы (рис. 3б). Таким образом, контуры, сохранившиеся от наиболее раннего

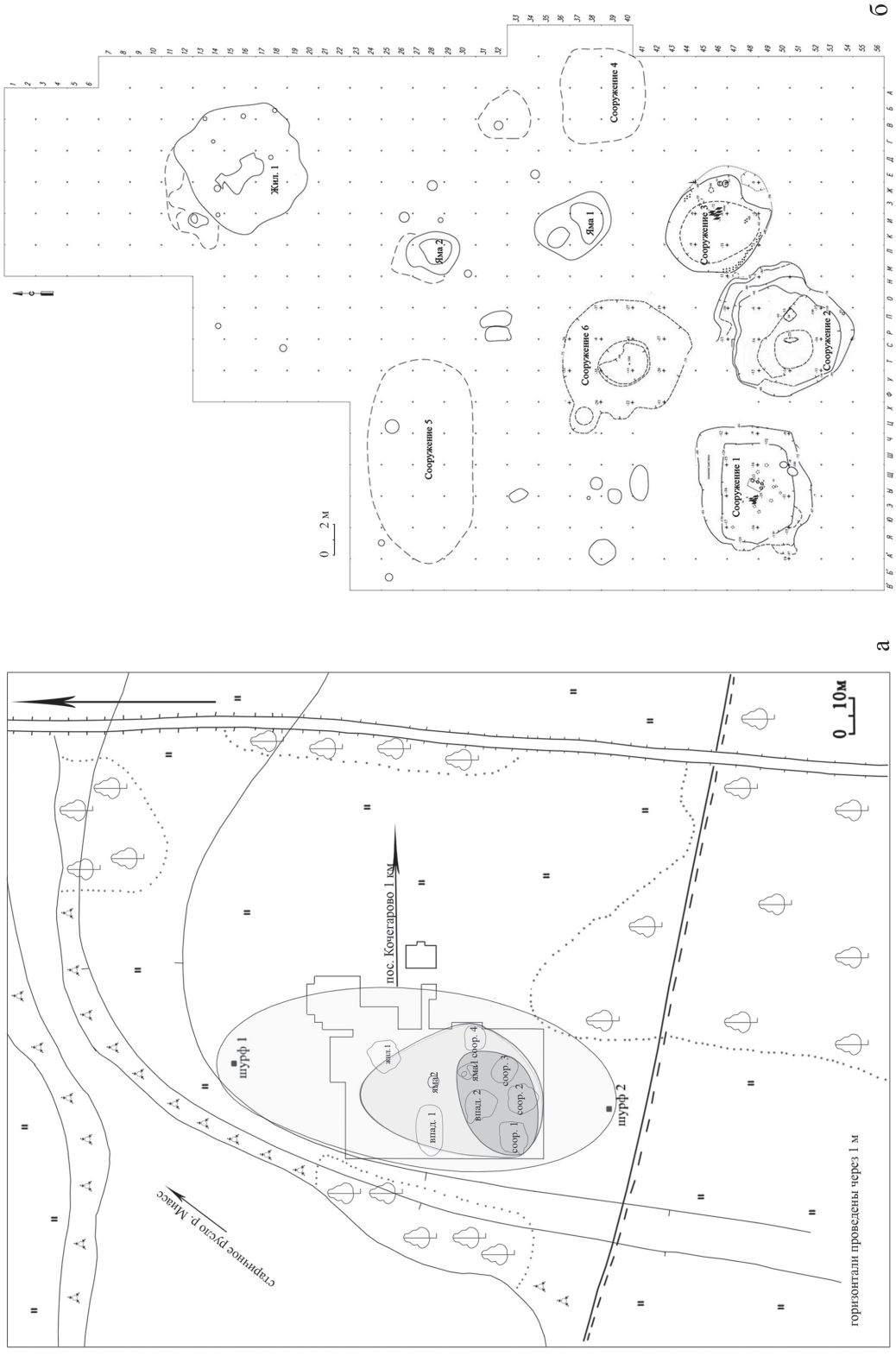

Рис. 1. Пос. Кочегарово 1: а — топоплан памятника, б — план раскопа

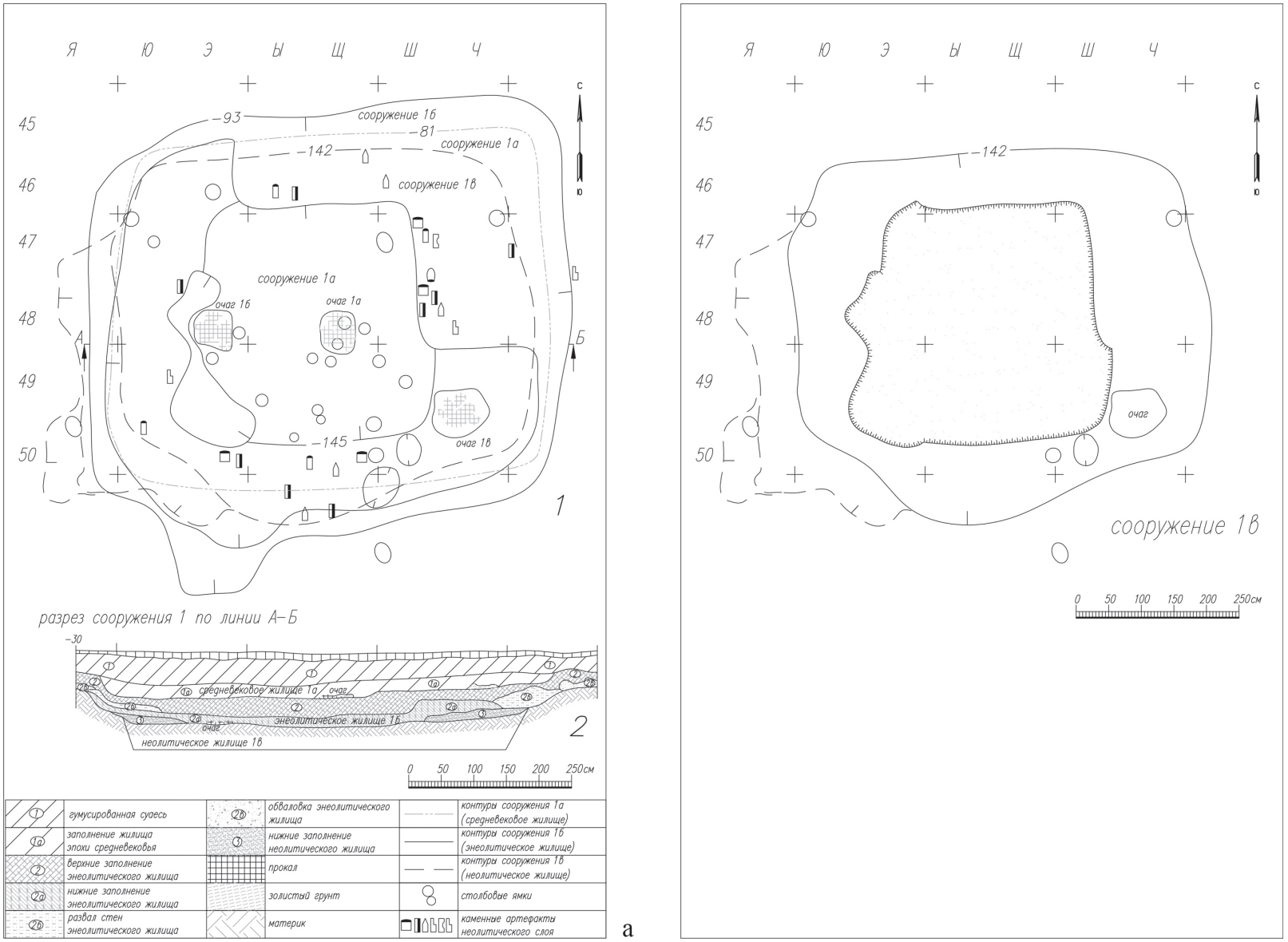

Рис. 2. Пос. Кочегарово 1, сооружение 1: а — план и разрез объекта, б — контуры ранненеолитического жилища

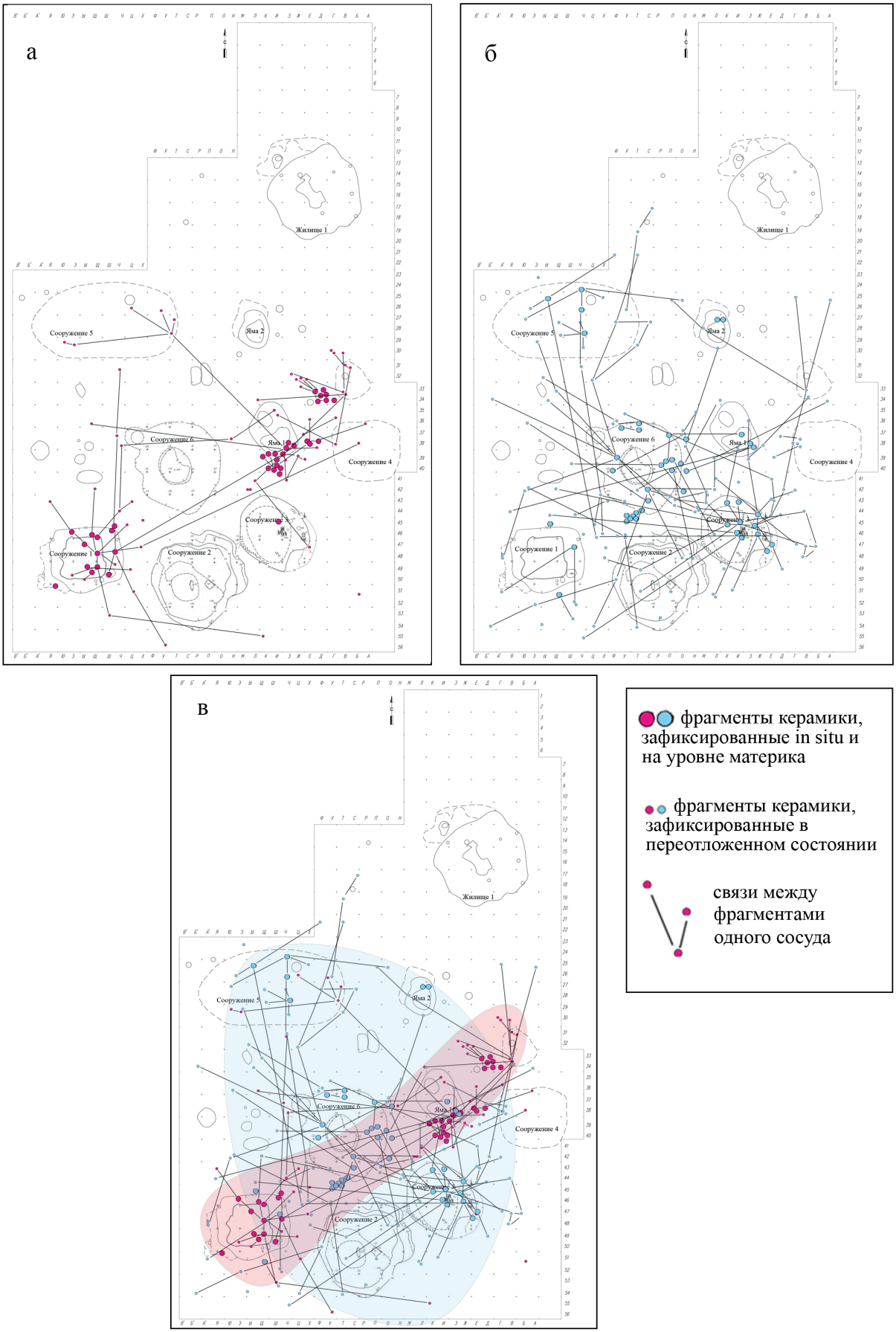

Рис. 3. Пос. Кочегарово 1, план распространения керамики конца раннего неолита: а — маханджарские сосуды, б — козловские и кошкинские сосуды, в — общий план

функционирования жилища (рис. 2б), можно связать именно с маханджарским комплексом. Кроме того, несмотря на довольно независимое залегание керамики двух типов в сооружениях 1 и 3, перекрестное распространение посуды с совместным залеганием их в обоих объектах, а также в скоплении у ямы 1, позволяет их синхронизировать. Это подтверждается и ранее опубликованными датами [Выборнов и др., 2014; Мосин и др., 2017; Яковлева, 2018], полученными по керамике (рис. 5а). Сосуществование всех сосудов укладывается в промежуток 4991—4800 гг. до н. э. (в калиброванных значениях); в него не вписываются только две даты, полученные AMS-методом по нагару, и разрыв порядка 500 лет может быть связан с резервуарным эффектом [Мосин и др., 2017, с. 68]. В целом, хотя датирование по керамике является предметом дискуссий специалистов, в рамках данной работы имеет большее значение внутренняя хронология самого памятника, и взаимокорреляция нескольких дат, полученных в одной лаборатории, выступает фактом, заслуживающим доверия.

Далее, поздненеолитическая керамика на плане (рис. 4а) в качестве скоплений in situ зафиксирована только за пределами жилищных впадин — к югу от сооружения 1 и от ямы 1. В пределах упомянутого объекта она концентрируется по периферии с северной и восточной сторон в переотложенном состоянии. — Поздненеолитический слой в данном жилище был полностью уничтожен в последующее энеолитическое время; слой раннего неолита также был поврежден в центральной части котлована и остался нетронутым по краям.

Возможно, что распространение керамики в сооружении 2 также является результатом разрушения заполнения неолитического жилища в процессе его переиспользования, однако стратиграфических данных на этот счет недостаточно.

Даты, полученные для полуденской керамики, меньше числом, но компактно укладываются в короткий промежуток в середине 5 тыс. до н.э. (рис. 5б), около 4550—4354 гг. (в калиброванных значениях).

К северной части площадки поселения привязана керамика боборыкинского и «финальнонеолитического» облика (рис. 4б). Боборыкинская посуда в коллекции данного поселения плохо поддается реконструкции, в основном представлена венчиками, так как неорнаментированные стенки, характерные для данной традиции, часто трудноопределимы среди более поздней керамики эпохи поздней бронзы. По этой причине метод «связей» дал для данного комплекса довольно скромный результат. В целом, по результатам полевых работ, боборыкинская посуда безусловно связана с жилищем 1, которое также повторно использовалось в энеолите, и сооружением 5, особенно его северной частью, и с северной половиной ямы 1.

К «финальному неолиту» отнесена керамика (рис. 5в, *3-4*), сочетающая морфологию и орнаментику, близкую к энеолиту, с неолитической технологией изготовления посуды, а именно с примесью шамота, который характерен для всей неолитической керамики поселения, в отличие от энеолитических сосудов с примесью песка (заключение И. Н. Васильевой).

Для боборыкинской посуды имеются две даты (рис. 5в), одна из которых относится к концу неолита, а другая — к рубежу раннего и позднего неолита. В целом, в Зауралье боборыкинская традиция относится к позднему неолиту и обычно синхронизируется с полуденской. В данном случае хронологические промежутки для них явно не совпадают. При этом более поздняя дата хорошо согласуется с единственной пока датой для финальнонеолитической керамики (рис. 5в, *4*) с возможным периодом сосуществования в отрезке 4230—3990 гг. до н. э. (в калиброванных значениях).

Тем не менее, отдавая предпочтение более поздней дате, объединяющей боборыкинскую и финальнонеолитическую керамику в отдельный третий этап обитания на поселении, вопрос о хронологической позиции данных комплексов в локальной микроистории данного поселения можно оставить открытым до получения дополнительных фактов.

Поселение Ташково 1 (рис. 6) историографически более известно как неолитическое [Ковалева, Ивасько, 1991], хотя энеолитический период представлен не менее выразительными комплексами. Памятник исследовался в 70-80е гг XXв., а в 2018 г. были возобновлены стационарные исследования [Мосин и др., 2019, статья]. Несмотря на то, что совокупно на поселении исследованы почти 1000 м², архивные материалы вне доступа для обработки, поэтому ниже будут рассмотрены только результаты новых работ.

В раскопе площадью 192 м² удалось исследовать одно неолитическое жилище и три энеолитических (также в верхних слоях было зафиксировано четвертое, но в примерных контурах, так как из-за наложения трех жилищ друг на друга установление точных границ представляется затруднительным). Собственно к впадине 7, над которой был заложен раскоп, относился только один котлован, который получил название «жилище 7/1» (рис. 7а), в нем были изучены слои неоэнеолитического времени, накладывающиеся друг

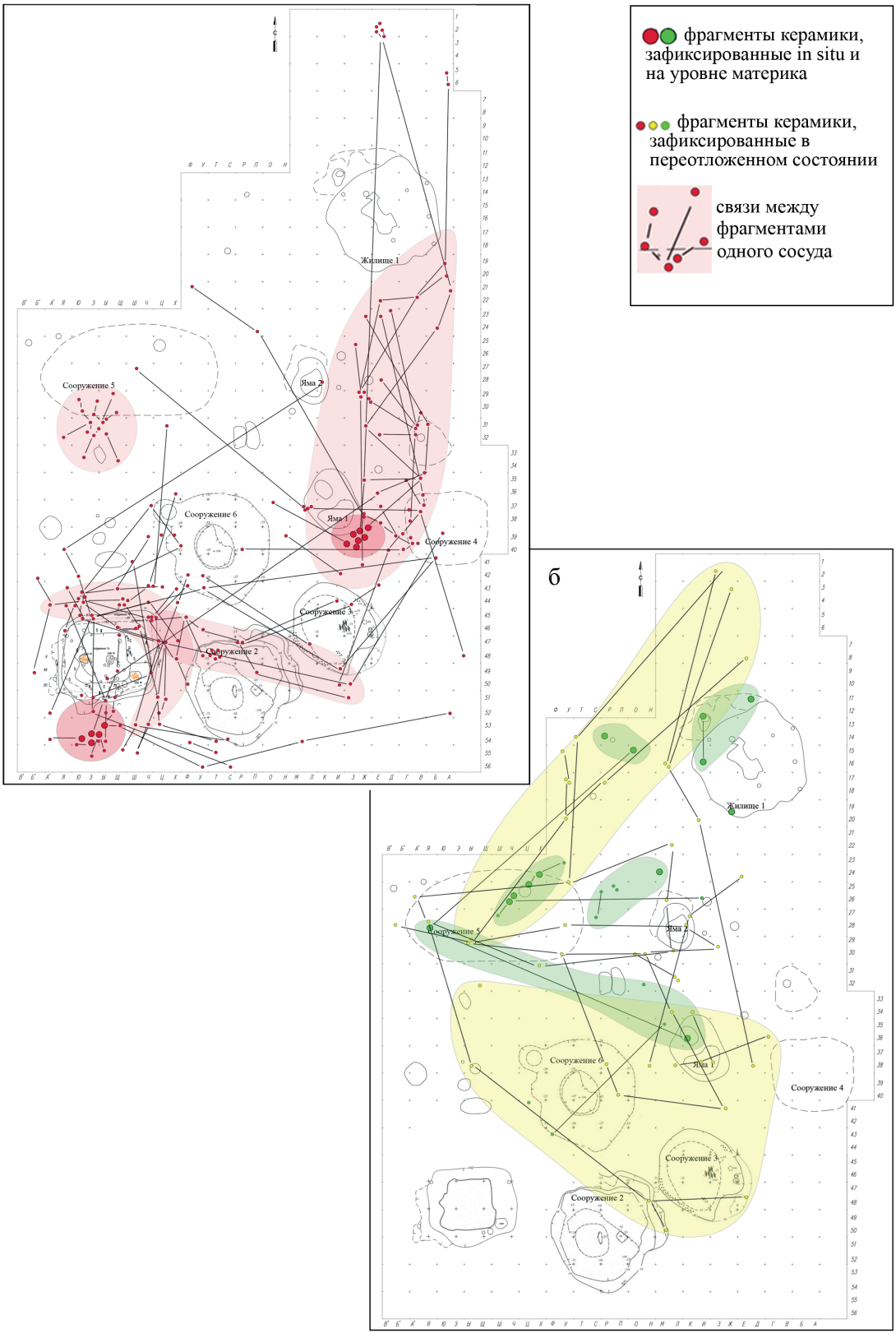

Рис. 4. Пос. Кочегарово 1, план распространения керамики позднего неолита: а — полуденские сосуды, б — боборыкинские сосуды и гребенчатая керамика финального неолита

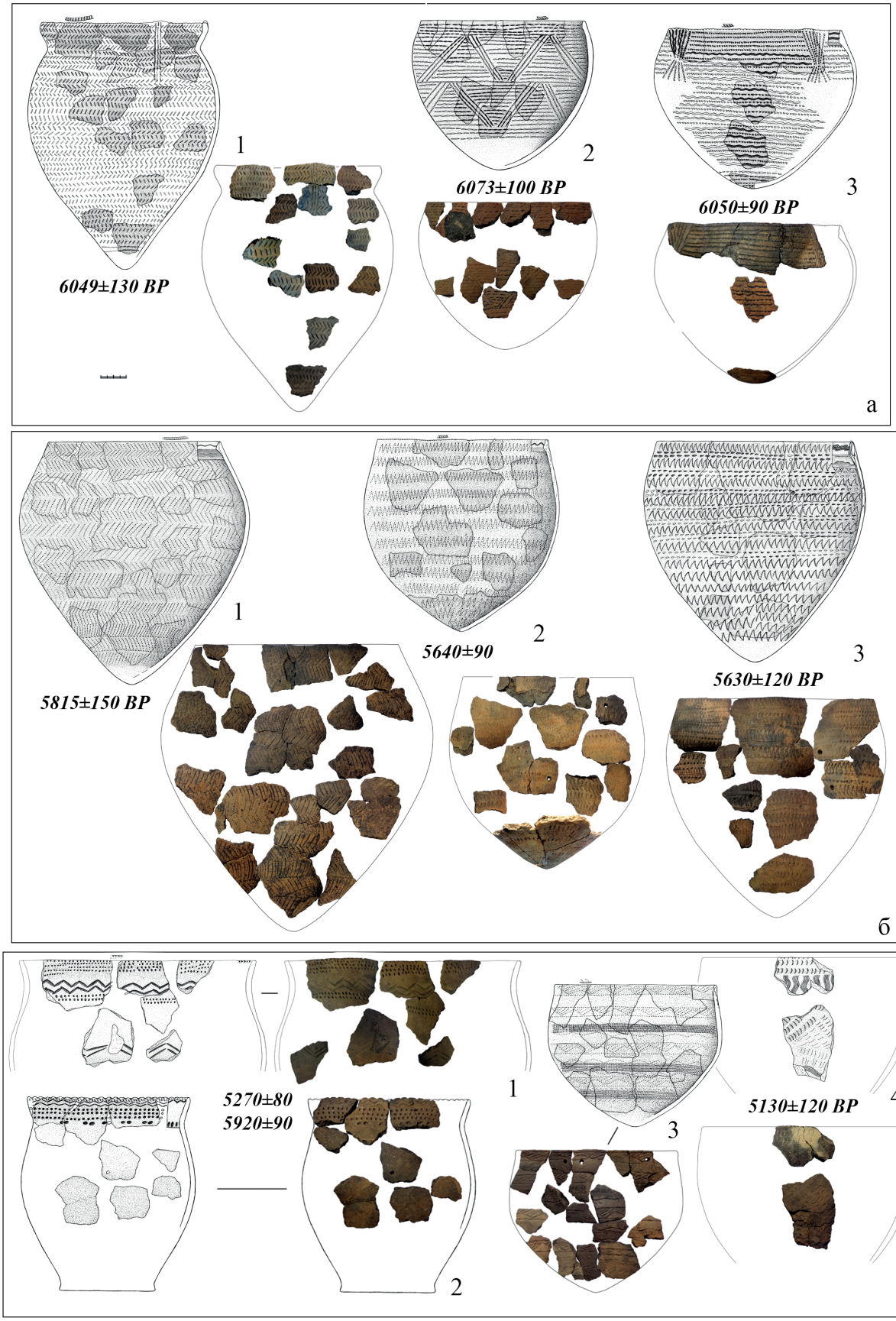

Рис. 5. Пос. Кочегарово 1, культурно-хронологические неолитические комплексы:
а — рубеж раннего и позднего неолита, маханджарская и козловская керамика;
б — поздний неолит, полуденская керамика;
в — финальный неолит, боборыкинская и «финальнонеолитическая» керамика

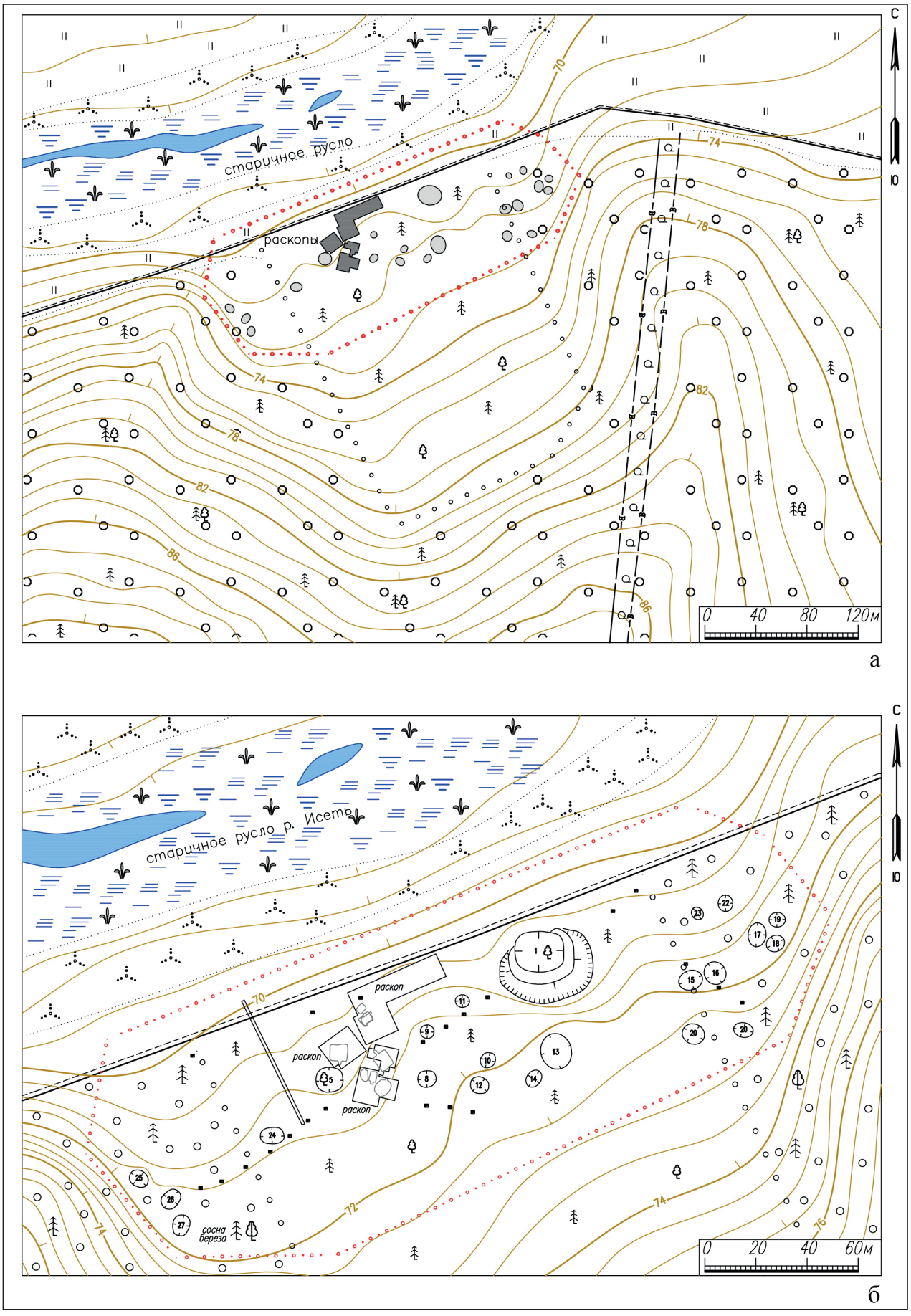

Рис. 6. Пос. Ташково 1: а — ситуационный план, б - топографический план

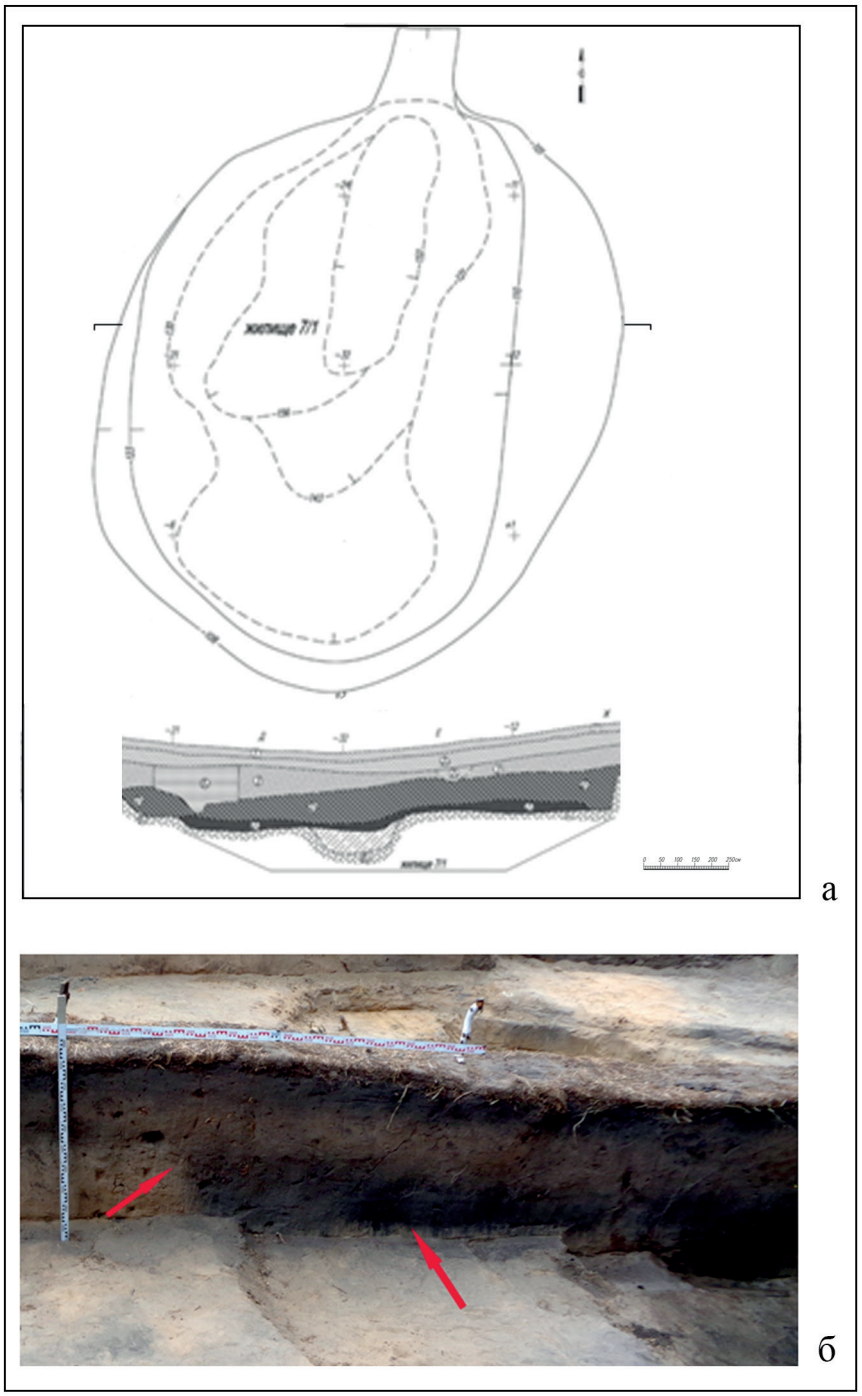

Рис. 7. Пос. Ташково 1: а — план и разрез жилища 7/1, б — следы перестройки энеолитического времени

на друга. Два других объекта представляли собой наземные постройки, углубленные в материк на 5—10 см, и связаны только с энеолитическим временем.

Общая стратиграфия изученной части поселения представлена последовательностью дерна и гумусированной супеси, включающей немногочисленные поздние артефакты, коричневой супеси, вмещающей находки каменного и бронзового веков в переотложенном состоянии, темно-серой супеси, связанной с нео-энеолитическим временем и, наконец, черной супеси в качестве остатков неолитического слоя в заполнении жилища и на околожилищном пространстве. Также вокруг жилищного котлована фиксировались выкиды аллювиального песка, неотличимые от материковой породы по цветности и отбивавшиеся по более рыхлой структуре и сопровождению находками каменного века.

В жилище 7/1 удалось зафиксировать следы перестройки (рис. 7б) и разделить пол энеолитического жилища и остатки неолитического за-

полнения. Значительная, а возможно, и большая его часть оказалась в выкидах вокруг котлована (рис 8, а—г). Как и в ситуации с сооружением 1 пос. Кочегарово 1, по стратиграфии и культурной принадлежности находок данного жилища удалось только зафиксировать сам факт существования неолитического слоя в котловане. — Связать остатки заполнения с ранним или поздним неолитом, и тем более разделить его, только на основании полевых наблюдений и фиксации оказалось невозможным, так как в целом распространение керамики соответствующих типов занимает одни объекты — жилище и хозяйственную яму, и зачастую — равные глубины. Окончательно усложнило общую картину наблюдений скопление in situ нескольких козловских сосудов вместе с одним полуденским (рис. 9б, *1-5*).

При этом датирование керамики по нагару методом AMS (все приводимые ниже образцы памятника датированы этим методом, за исключением боборыкинского сосуда) дало возможность разделить ранний неолит на два этапа, первый из которых (рис. 9а) относится к первой половине VI тыс. до н. э. (в калиброванных значениях), а второй (рис. 9б) — к его середине. Справедливость такого деления подтверждается и самой первой датой для памятника — 7440 ± 60 BP [Тимофеев, Зайцева, 1996, с. 343], которая, с учетом возможного удревнения за счет собственного возраста дерева в известной степени согласуется с ранней датой в этой серии.

Как бы то ни было, первый этап заселения площадки памятника явно связан с наиболее ранним этапом неолитизации Зауралья, приблизительно концом VII-началом VI тыс. до н. э. С этим временем связаны козловские и, вероятно, кошкинские сосуды с отступающе-накольчатой орнаментацией (более подробно о ранненеолитической керамике поселения: [Мосин, Яковлева, 2019]). Керамика, связанная с этим периодом, с одной стороны, в заполнении жилища 7/1 занимала самые низкие статиграфические позиции — буквально лежала на материке, с другой — фиксировалась в верхних горизонтах за пределами объекта. Анализ планиграфии керамики (рис. 8а) показывает, что большая ее часть оказалась в переотложенном состоянии и, очевидно, ранний слой можно считать полностью уничтоженным в результате последующих перестроек.

Для остальных образцов, за исключением сосуда на рис. 9б, *4* с более поздней датой и специфическим обликом, можно полагать вероятный промежуток сосуществования 5530—5472 гг. до н. э. (в калиброванных значениях), или, более общо, середину VI тыс. до н.э. С точки зрения культурной принадлежности, комплекс так же представлен козловской и кошкинской керамикой, но, наряду с отступающе-накольчатой техникой орнаментации, значительна доля прочерчивания, а также использования гребенчатого штампа (рис. 9б). Стратиграфически и планиграфически (рис. 8б) эта керамика надежно связана с жилищем 7/1, а также хозяйственной ямой. Очевидно, остатки неолитического слоя в жилище, зафиксированные в профиле, связаны с этим временем. Кроме того, к восточной стене жилища прилегает значительное скопление керамики, в том числе крупных развалов in situ, хотя большая часть фрагментов в этой части явно является выкидом из жилища при энеолитической перестройке.

Даты для полуденской керамики и боборыкинского сосуда (рис. 9в) укладываются в промежуток 4851—4771 гг. до н. э. (в калиброванных значениях), или в первую треть V тыс. до н.э., что отвечает существующей периодизационной шкале для полуденской и боборыкинской традиций в Зауралье. Однако среди них есть образец с более древней датой, выходящей за эти рамки (рис. 9в, *3*). Здесь интересны данные по распространению полуденской керамики (рис. 8в): часть ее фиксировалась в том же слое, что и ранненеолитическая, что может быть связано и с маломощностью неолитической прослойки, в которой не удалось проследить более дробную стратиграфию, и с частичными разрушениями верхней части слоя на третьем этапе использования жилищной впадины, при которых поздний неолит оказался на одном уровне с ранним. Как уже было отмечено выше, по крайней мере один полуденский сосуд (рис. 9б-*5*) оказался зафиксированным в крупном развале у восточного края жилища вместе с ранненеолитической козловской керамикой [Мосин и др., 2019, с. 75, 77 рис. 5, 1—5], также скопление козловских и полуденских сосудов имеется в яме 1 (рис. 8г). Можно предположить, что на втором этапе функционирования жилища носители «прочерченно-накольчатой» и «гребенчатой» керамических традиций существовали совместно, но выделить более раннюю полуденскую посуду по типологическим признакам в настоящий момент сложно.

Боборыкинская керамика в раскопе была представлена только тремя сосудами и не требует специального анализа, полностью совпадая с полуденским пластом артефактов.

Таким образом, несмотря на менее информативные результаты анализа планиграфии материалов пос. Ташково 1 в сравнении с пос. Кочегарово 1, метод «связей» помог в интерпретации стратиграфии жилища 7/1. На его основе была предпринята попытка выделить единовременные комплексы с учетом полученной колонки абсолютных дат.

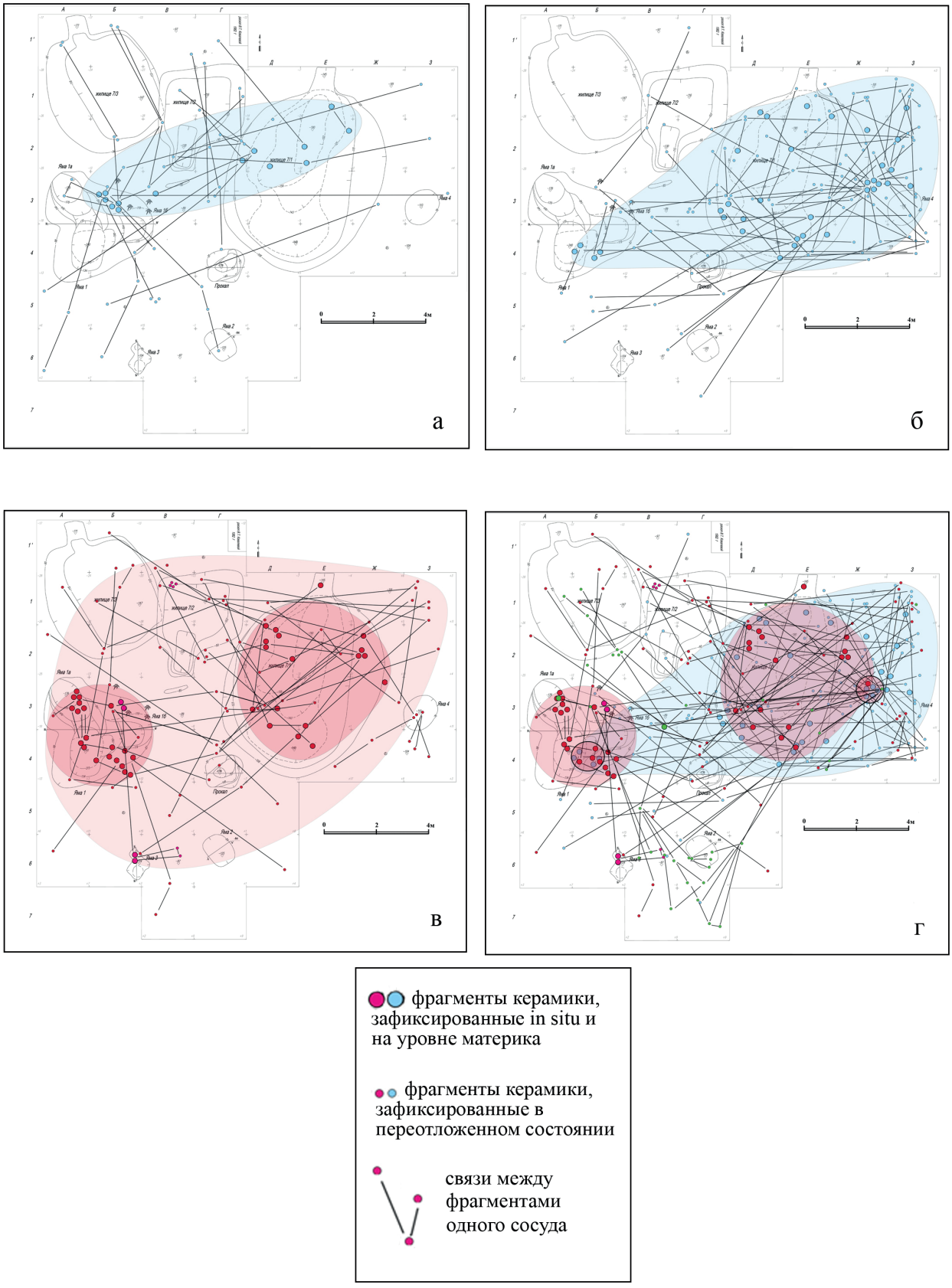

Рис. 8. Пос. Ташково 1, план распространения: а — керамики начала раннего неолита, б — керамики середины раннего неолита, в — поздненеолитической керамики, г — общий план керамики середины раннего неолита и позднего

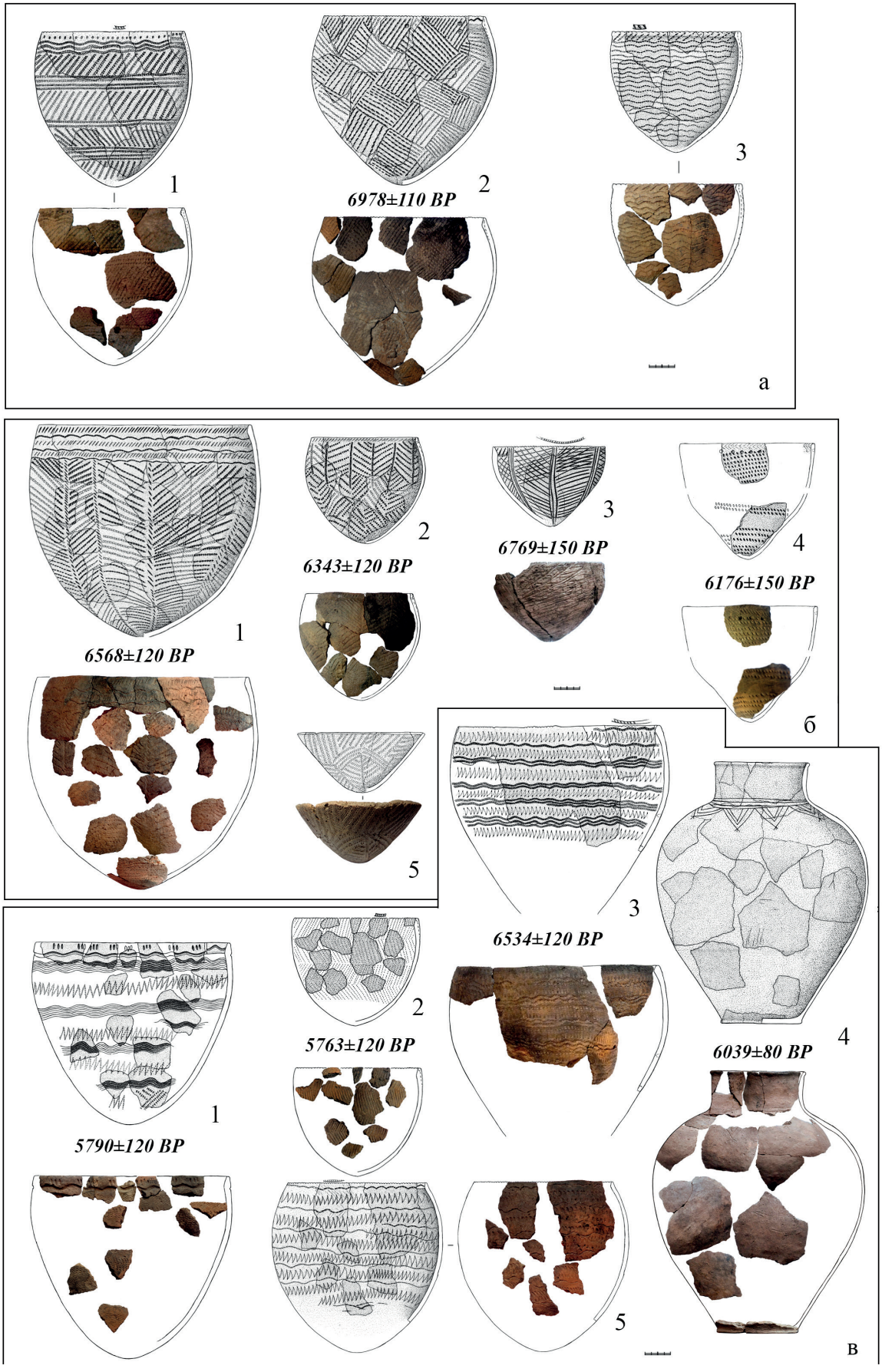

Рис. 9. Пос. Ташково 1, культурно-хронологические неолитические комплексы:
а — начало раннего неолита, козловская и кошкинская керамика; б — середина раннего неолита, козловская и полуденская керамика; в — поздний неолит, полуденская и боборыкинская керамика.

В результате получилась картина, отличная от привычного двухэтапного деления комплексов на основе типологии.

Выводы. В результате проделанного анализа удалось рассмотреть микроисторию двух неолитических поселений в контексте сложных процессов социальных взаимодействий, культурной эволюции и экологической адаптации. Так, хотя козловская и кошкинская традиции связаны с ранним неолитом, а маханджарская — с поздним, на поселении Кочегарово 1 они сосуществовали в рамках единого коллектива в «переходное» время. Подобная же ситуация, по-видимому, была зафиксирована на Ташково 1, но уже с «переходным состоянием» материальной культуры и ее эволюцией в рамках козловско-полуденской линии развития, в которую оказалась включенной и кошкинская традиция.

Также любопытно, что, несмотря на традиционно одновременное существование полуденских и боборыкинских комплексов, для пос. Кочегарово 1 с точки зрения планиграфии они являются разными поселками, а плоскодонной керамике сопутствует гребенчатая керамика финального неолита, отличная от полуденской.

Таким образом, «метод связей» в планиграфическом анализе артефактов позволяет существенно уточнять данные, получаемые при работе на поселениях с «проблемной» стратиграфией и многократно переиспользуемыми объектами, а также дополняет результаты абсолютного датирования комплексов. При этом, что логично, наиболее результативен такой анализ при трудоемких исследованиях больших площадей методом зачистки с индивидуальной фиксацией находок.

Список литературы

1. Бадер, О. Н. Рецензия: A. Leroi-Gourhan et. M. Brèzillon. L'habitation magdalenienne № 1 de Pincevent près Montereau (Seine-et-Marne). Paris, 1966 / О. Н. Бадер, В. Я. Сергин // A. Leroi-Gourhan, M. Brèzillon. Foilles de Pincevent. — Paris, 1992.

2. Бикмулина, Л. Р. Геохимические особенности почв и культурных слоев поселения неолита-энеолита Кочегарово-1 в лесостепной зоне Западной Сибири и их палеоэкологическая интерпретация / Л. Р. Бикмулина, А. С. Якимов, В. С. Мосин, А. И. Баженов // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2017. — Т. 45, № 2. — С. 31—40.

3. Выборнов, А. А. Хронология уральского неолита / А. А. Выборнов, В. С. Мосин, А. В. Епимахов // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2014. — № 1 (57). — С. 33—48.

4. Желтова, М. Н. Планиграфический анализ жилых комплексов стоянки Костёнки 4 : автореф. дис. … канд. ист. наук / М. Н. Желтова. — Санкт-Петербург, 2015. — 29 с.

5. Кравцов, А. Е. Опыт функционально-планиграфического анализа мезолитической стоянки Беливо 4Г-северная / А. Е. Кравцов, М. Г. Жилин // Российская археология. — 1995. — № 2. — С. 135—148.

6. Леонова, Е. В. Мезолитическая стоянка Белый колодец: пространственный анализ / Е. В. Леонова // Проблемы археологии эпохи камня: к 70-летию Валентины Ивановны Беляевой : тр. ист. фак. С.-Петерб. гос. ун-та. Т. 18. — Санкт-Петербург : С.-Петерб. гос. ун-т, 2014. — С. 142—163.

7. Ковалева, В. Т. Неолитические комплексы Ташково I на реке Исети / В. Т. Ковалева, Л. В. Ивасько // Неолитические памятники Урала. — Свердловск, 1991. — С. 112—131.

8. Малютина, Т. С. Поселение «Каменный Брод» — спутник укрепленного центра Аркаим: стратиграфические горизонты и ритмы повторов жизненных циклов в «Стране Городов» / Т. С. Малютина, Г. Б. Зданович // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 10. — Оренбург : Изд-во ОГПУ, 2012. — С. 50—62.

9. Мосин, В. С. Новые данные по хронологии неолита и эпохи раннего металла в лесостепной зоне Зауралья и Западной Сибири / В. С. Мосин, В. В. Бобров, А. Г. Марочкин // Археология, этнография и антропология Евразии. — 2017. — Т. 45, № 4. — С. 65—73.

10. Мосин, В. С. Ранний неолит Зауралья: современный взгляд на историографические проблемы / В. С. Мосин, Е. С. Яковлева // Самарский научный вестник. — 2019. — Т. 8, № 2 (27). — С. 200—208.

12. Мосин, В. С. Многослойное поселение Ташково 1: предварительные результаты полевых исследований / В. С. Мосин, Е. С. Яковлева, И. К. Новиков // История и современное мировоззрение. — 2019. — Т. 1, № 2. — С. 71—83.

13. Зданович, Г. Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации) / Г. Б. Зданович. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. — 184 с.

14. Потемкина, Т. М. Бронзовый век лесостепного Притоболья / Т. М. Потемкина. — Москва : Наука, 1985.

15. Рыжкова, О. В. Использование метода связей для социальных реконструкций (по материалам поселения Ташково II) / О. В. Рыжкова // Вопросы археологии Урала. — 1993. — № 21. — С. 170—180.

16. Сергин, В. Я. Применение метода «связей» при археологических исследованиях / В. Я. Сергин // Советская археология. — 1984. — № 1. — С. 11—25.

17. Сериков, Ю. Б. Использование метода «связей» на мезолитической стоянке Выйка II (Среднее Зауралье) / Ю. Б. Сериков // Советская археология. — 1983. — № 1. — С. 121—129.

18. Тимофеев, В. И. Список радиоуглеродных датировок неолита / В. И. Тимофеев, Г. И. Зайцева // Неолит Северной Евразии. — Москва, 1996. — С. 343

19. Яковлева, Е. С. Неолит лесостепного Притоболья: проблемы типологии керамики и хронологии (на примере поселения Кочегарово 1) / Е. С. Яковлева // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г. И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И. Б. Васильева : материалы Всерос. науч. конф. с междунар. участием. — Самара : Изд-во СГСПУ, 2018. — С. 86—88.

Сведения об авторе

Яковлева Екатерина Сергеевна — аспирант отделения археологии и этнографии ИИА УрО РАН, Южно-Уральский филиал, Челябинск, Россия. *lugsamildnah@yandex.ru*

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2020. No. 2. P. 53—68.

Planigraphy and stratigraphy of neolithic settlements of forest-steppe zone in the Tobol region: results of “linkage” method

E.S. Yakovleva
Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS, South Ural Branch,
Chelyabinsk, Russia. lugsamildnah@yandex.ru

The article consideres the stratigraphy of the Late Stone Age on the cases of two settlements of the forest-steppe zone in the Tobol region. It dwells on the specificity caused by the habitation of sites and slow process of soil formation. To solve the problem of the limitation of the field fixation method the research uses the “linkage” method for planigraphy analysis. It was possible to understand the process of formation of a dwelling stratigraphic column because of their repeated rebuilding and to establish the boundaries of villages within the specific periods of the settlement functioning. Based on the correlation of the distribution of vessels and the absolute dates obtained for them, the study has identified one-time ceramic complexes that included types attributed historiographically to different cultures and Neolithic stages. This approach considers the internal chronology of ancient settlements in a microhistorical context.

Keywords: *Neolithic, forest-steppe Tobol-region, stratigraphy, planigraphy, “linkage” method, settlement, ceramics.*

References

1. Bader O.N., Sergin V. Ja. Retsenziya: A. Leroi-Gourhan et. M. Brèzillon. L’habitation magdalenienne № 1 de Pincevent près Montereau (Seine-et-Marne). Paris, 1966 [Review: A. Leroi-Gourhan et. M. Brèzillon. L’habitation magdalenienne № 1 de Pincevent près Montereau (Seine-et-Marne). Paris, 1966]. *A. Leroi-Gourhan, M. Brèzillon. Foilles de Pincevent*. Paris, 1992. (In Frensh.).

2. Bikmulina L.R., Yakimov A.S., Mosin V.S., Bazhenov A.I. Geokhimicheskie osobennosti pochv i kul’turnykh sloev poseleniya neolita-ehneolita Kochegarovo-1 v lesostepnoj zone Zapadnoj Sibiri i ikh paleoehkologicheskaya interpretatsiya [Geochemical features of soils and cultural layers of the Kochegarovo-1 Neolithic-Eneolithic settlement in the forest-steppe zone of Western Siberia and their paleoecological interpretation]. *Arkheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2017, vol. 45, no. 2, pp. 31—40. (In Russ.).

3. Vybornov A.A., Mosin V.S., Epimakhov A.V. Khronologiya ural’skogo neolita [Chronology of the Ural Neolithic]. *Arkheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2014, no. 1 (57), pp. 33—48. (In Russ.).

4. Zheltova M.N. *Planigraficheskij analiz zhilyh kompleksov stoyanki Kostyonki 4* [Planigraphic analysis of residential complexes at the Kostenki 4 site]. Abstraact of thesis. St. Petersburg, 2015. 29 p. (In Russ.).

5. Kravcov A.E., Zhilin M.G. Opyt funkcional'no-planigraficheskogo analiza mezoliticheskoj stojanki Belivo 4G-severnaja [The experience of functional-planographic analysis of the Belivo 4G North Mesolithic site]. *Rossijskaya arheologiya* [Russian archeology], 1995, no. 2, pp. 135—148. (In Russ.).

6. Leonova E.V. Mezoliticheskaya stoyanka Belyj kolodets: prostranstvennyj analiz [Mesolithic site of Belyj kolodets: spatial analysis]. *Problemy arkheologii ehpokhi kamnya: k 70-letiyu Valentiny Ivanovny Belyaevoj* [Problemy arkheologii ehpokhi kamnya: k 70-letiyu Valentiny Ivanovny Belyaevoj]. Vol. 18. St. Petersburg, Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj universitet, 2014. Pp. 142—163. (In Russ.).

7. Kovaleva V.T., Ivas'ko L.V. Neoliticheskie kompleksy Tashkovo I na reke Iseti [Neolithic complexes of Tashkovo I on the Iset River]. *Neoliticheskie pamyatniki Urala* [Neolithic monuments of the Urals]. Sverdlovsk, 1991. Pp. 112—131. (In Russ.).

8. Malyutina T.S., Zdanovich G.B. Poselenie «Kamennyj Brod» — sputnik ukreplennogo tsentra Arkaim: stratigraficheskie gorizonty i ritmy povtorov zhiznennykh tsiklov v «Strane Gorodov» [The Kamennyj Brod settlement is a satellite of the fortified center of Arkaim: stratigraphic horizons and rhythms of life cycle repetitions in the "Country of Cities"]. *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya* [Archaeological sites of the Orenburg region]. Iss. 10. Orenburg, Izdatel'stvo OGPU, 2012. p. 50—62. (In Russ.).

9. Mosin V.S., Bobrov V.V., Marochkin A.G. Novye dannye po khronologii neolita i ehpokhi rannego metalla v lesostepnoj zone Zaural'ya i Zapadnoj Sibiri [New data on the chronology of the Neolithic and early metal eras in the forest-steppe zone of the Trans-Urals and Western Siberia]. *Arkheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia], 2017, vol. 45, no. 4. Novosibirsk, Izdatel'stvo IAEHT SO RAN. Pp. 65—73. (In Russ.).

10. Mosin V.S., Yakovleva E.S. Rannij neolit Zaural'ya: sovremennyj vzglyad na istoriograficheskie problemy [Early Neolithic Trans-Urals: a modern view at historiographic problems]. *Samarskij nauchnyj vestnik* [Samara Scientific Bulletin], 2019, vol. 8, no. 2 (27), pp. 200—208. (In Russ.).

11. Mosin V.S., Yakovleva E.S., Novikov I.K. Mnogoslojnoe poselenie Tashkovo 1: predvaritel'nye rezul'taty polevykh issledovanij [Layered settlement Tashkovo 1: preliminary results of field studies]. *Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie* [History and modern worldview], 2019, vol. 1, no. 2, pp. 71—83. (In Russ.).

12. Zdanovich G.B. *Bronzovyj vek Uralo-Kazahstanskih stepej (osnovy periodizacii)* [Bronze Age of the Ural-Kazakhstan steppes (basis of periodization)]. Sverdlovsk, Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 1988. (In Russ.).

13. Potemkina T.M. *Bronzovyj vek lesostepnogo Pritobol'ya* [Bronze Age of the forest-steppe Tobol region]. Moscow, Nauka, 1985. (In Russ.).

14. Ryzhkova O.V. Ispol'zovanie metoda svyazej dlya social'nyh rekonstrukcij (po materialam poseleniya Tashkovo II) [Using the "linkage" method for social reconstructions (based on materials from the settlement of Tashkovo II)]. *Voprosy arkheologii Urala* [Archeological issues of the Urals],1993, no. 21, pp. 170—180. (In Russ.).

15. Sergin V.Ya. Primenenie metoda «svyazej» pri arkheologicheskikh issledovaniyakh [The use of the "linkage" method in archaeological research]. *Sovetskaya arheologiya* [Soviet archeology], 1984, no. 1, pp. 11—25. (In Russ.).

16. Serikov Yu.B. Ispol'zovanie metoda «svyazej» na mezoliticheskoj stoyanke Vyjka II (Srednee Zaural'e) [The use of the "linkage" method at the Mesolithic site of Vyyka II (Middle Trans-Urals)], *Sovetskaya arheologiya* [Soviet archeology], 1983. no. 1, pp. 121—129. (In Russ.).

17. Timofeev V.I., Zajtseva G.I. Spisok radiouglerodnykh datirovok neolita [List of radiocarbon dating of the Neolithic]. *Neolit Severnoj Evrazii* [Neolithic of Northern Eurasia]. Moscow, 1996. P. 343. (In Russ.).

18. Yakovleva E.S. Neolit lesostepnogo Pritobol'ya: problemy tipologii keramiki i khronologii (na primere poseleniya Kochegarovo 1) [Neolithic of the forest-steppe Tobol region: problems of typology of ceramics and chronology (on the example of the settlement Kochegarovo 1)]. *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshhanie, posvyashhennoe 85-letiyu so dnya rozhdeniya G.I. Matveevoj i 70-letiyu so dnya rozhdeniya I.B. Vasil'eva* [XXI Ural'skoe archaeological meeting dedicated to the 85th anniversary of the birth of G.I. Matveeva and the 70th birthday of I.V. Vasil'eva]. Samara, Izdatel'stvo SGSPU, 2018. Pp. 86—88. (In Russ.).